

ЧАСТЬ 3

Великий Устюг. Волома и «Москва». Симон. Тещины грузди. Унежма. Камбала и морошка. Мурманск. Бондарь. Первенец. Екатерина Петровна. Секретарь партбюро. Дочь. Мастер цеха. Пятилетку в три года. Председатель завкома. Женя Голубев. Квартира. Вечерняя школа. Институт. Трагедия. Болезнь матери. Саратовская система качества. Женитьбы и замужество. В Керчь.

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. я отслужил в армии еще более года. В июне 1946 демобилизовался, еду на родину. Но нет, пока не в Унежму, а в Великий Устюг к Рае Маклаковой. Есть адрес где можно остановиться, переночевать. Разыскал дядю Петю Маркова, а ей послал телеграмму: нахожусь в Устюге.

Утром следующего дня сплю, а в дверь стук. Открывает тетя Люба – жена дяди. На пороге – Рая. Пьем чай с хозяевами, разговариваем о жизни, о войне. Днем ходим по городу. Она мне показывает древний Устюг: церкви, монастыри, старинные дома, парк. Вечером едем на колесном пароходике в Кузино, что на другом берегу реки. Здесь живет сестра Раи Елена Петровна Сухинская. Работает техничкой в школе и на свою мизерную зарплату воспитывает двоих детей – Сашу и Юю. Живет скромно, но принимает радушно. Муж ее, Михаил, призван в армию в самом начале войны, родившуюся 26 июня дочку не видел. Будучи в Архангельске, написал жене письмо, и после того никакой весточки. Спустя год пришло сообщение – «пропал без вести». Тут же в Кузино живет жена брата Раи, Павла Петровича, Алампия Ермолаевна, с тремя детьми, работает истопником. Муж в армии, офицер. Выручает аттестат мужа, перечисляющего зарплату на воспитание детей.

Вечером следующего дня едем на родину Раи – в село Волома. Всю ночь пароходик-колесник хлопает по реке. Утром останавливаемся у деревни Исады. Тут много встречающих и провожающих. Есть и воломцы, с любопытством смотрят на меня.

Проезжаем через большую деревню Стрельна. И вот тракт – дорога на Волому. Это тридцать с лишним километров. Дорога лес-

ная, болотная. На половине пути селение – четыре дома, и называется Половина. Через небольшой промежуток сельцо Пепелище – десять домов, потом справа деревенька Плоская – пятнадцать домов, и Золотарь – небольшой хуторок.

Среди всех этих маленьких деревушек-хуторов выделяется Пепелище или Москвин Починок. Пятнадцать домов, и в тринадцати из них живут Москвины, в двух домах – Костоломовы и Зеленины. Москвины – это основатели Починка, коренные жители. Как и откуда бы взяться Москвину Починку в глухой вологодской тайге? Видимо выходцы из ближних пределов Москвы, земляки Симона, основателя Волом, дали ему название. В старой Руси принято было называть жителей по месту рождения, как например новгородцы – жители города Новгорода, каргопольцы – жители города Каргополя, белозеры – жители Белозерска. Тогда называть место рождения, указывать откуда человек родом было житейской необходимостью. По такому же принципу получил название Починок на Воломском тракте – в глухомани.

Около Волом дорога хорошая, укатанная, по сторонам сосны и березы. Весна в разгаре, тепло. А вот и деревня. Сначала Мокеиха. Невдалеке от нее Погост, родина Раи. За рекой Мартыниха, потом Покровка, за нею Зимняк, немного в стороне за рекой деревушка Дор. Направо от Покровки за Кичменьгой хуторок Карелка – четыре дома, да Мельница с тремя домами и водяной мельницей. Всё это Волома.

Деревня Погост – центр. Тут сельсовет, почта, правление колхоза, магазин, изба-читальня, фельдшерский пункт.

– В Погосте начиналась Волома, – рассказывает Рая. Тут поселился и жил первый человек, им был монах Симон. Он срубил келью, построил часовенку, раскопал землю, засеял ее, жил и молился богу. Место это было глухое, за лесами и болотами, малодоступное. До селения Стрельны более тридцати километров, до Сараво – двадцать пять.

Место для житья Симон выбрал хорошее: сухая солнечная горюшка, внизу река Кичменьга, вблизи в нее впадает ручеек Ягрыш. Вода в Ягрыше чистейшая как слеза, холодная как лед. По берегам реки и ручейка сплошные заросли черной и красной смородины, черемухи, рябины, в лесах ягод хоть лопатой гребь, грибов и

волнух хоть коси. Но основная гордость воломцев – грузди. Когда есть грузди, на грибы и волнухи они не обращают внимания.

– В книге «Симон Воломский», которую я читала, – рассказывает Рая, написано что Симон – выходец из города Волоколамска, что под Москвой.

– Как же он попал на Вологодчину, да еще в такую глушь? – спрашиваю.

– Он искал покоя от суеты мирской в необжитых северных краях и ушел проповедовать православную веру.

– Ну а есть ли что-нибудь общее в названиях Волоколамск и Волома? – допытываюсь я.

– Есть, конечно есть! У обоих названий один и тот же корень «вол».

– Да, умный был этот Симон!

Время шло. О страннике Симоне заговорили. Стали к нему приходиться богомольцы, некоторые оставались на жительство, другие уходили и рассказывали о добром монахе на Кичменьге. Молва шла все дальше, слава о нем распространялась все шире. В глухие леса Вологодчины бежали от помещицкой кабалы крестьяне, от многолетней военной муштры-службы солдаты. Глухие леса и болота спасали беглецов от мести царских чиновников и поборов. По реке Кичменьге стали появляться селения-одноворки, а потом они разрастались, превращаясь в деревни. Жили безбедно, осваивая в первую очередь землю по берегам реки.

А вот и дом, мы пришли. На улице нас встречает мать Раи – Екатерина Петровна. Через несколько дней состоялась наша свадьба – вечерок. В то послевоенное время в продаже ничего не было ни из продовольствия, ни из винно-водочных изделий. Но кое-что нашли. Екатерина Петровна с женщинами-соседками нагнали самогону, напекли пирогов. Фельдшерица, подружка Раи, дала немного спирту.

Дни стояли хорошие: ясные, солнечные, сухие, и мы с Раей большинство времени проводили на воздухе. Ходили на реку, к мельнице, на Дор, в Покровку, Мартыниху. Чаше других мест посещали Изговориху – лесную поляну около Погоста. Оттуда было видно реку, церковь, деревни, луга и поля. В один из дней пошли посмотреть церковь и колокольню. Церковь оказалась закрытой,

теперь там был колхозный склад. Садимся около церкви и Рая продолжает рассказывать историю Воломы.

– Быстрое заселение Волом и освоение земель в пойме Кичменьги не нравилось соседям – сараевцам. Они много раз приходили к Симону, требовали, чтобы он ушел, и грозились.

– И что же они сделали? – спрашиваю я.

– В одну из темных осенних ночей пришли, выломали в келье дверь, вытащили Симона, отрубили ему голову и бросили ее в курью. Впоследствии курью воломцы назвали Симоновой. Убив безвинного человека, да при том набожного, пользующегося большим авторитетом и уважением, убийцы испугались и бросились в лес. Бежали домой в Сараево, а сзади слышался топот и молитва Симона. Все, кто принимал участие в казни Симона, прибежав домой ослепли.

– Ну а кто же построил каменную церковь, ведь у Симона была деревянная часовня?

– Говорят что приезжали родственники из Москвы, на свои деньги и частично собранные от прихожан построили вот эту каменную церковь с колокольной и обнесли железной оградой. В церкви есть икона, изображающая расправу над Симонам. После его гибели он был отнесен к лику святых, а вновь построенная церковь названа его именем. Сотни, тысячи верующих летом в июне-июле приходили в Волому поклониться праху Симона Воломского. Тут были люди из близлежащих сел, а также из других районов и областей. В 1930 году церковь была закрыта, колокола увезены в Устюг. Тогда же началась организация колхозов. Их было три. Половина, Пепелище, Москвин Починок, Плоская и Золотарь – один колхоз, два колхоза в самой Воломе, т.е. деревни Мокеиха, Мартыниха, Погост, Покровка, Зимняк, Дор, Корелка и Мельница. В то время общая численность крестьянских домов составляла более трехсот.

Живу у тещи как у Христа за пазухой. Утром спим сколько можем, встаем – чай готов. На столе пироги или ватрушки и обязательно грузди и теплая картошка. Грузди! До сих пор вспоминаю эту вкуснятину. А у Екатерины Петровны – особые, самые вкусные. Умела она их приготавливать как никто из деревенских! Ел я их с удовольствием и никогда они не приедались. А еще и потому, что

Петр Маклаков, отец Раи

Е.П. Маклакова, мать Раи

Рая Маклакова (Ульянова)

подавала она всё на стол от души, всегда ласково и по доброму, как сыну родному.

В ту неделю, пока мы с женой жили в Воломе, в нашем доме побывали многие жители деревни. Приходили родственники и просто деревенские женщины посмотреть на молодых и особенно на меня, незнакомого парня-фронтовика. Были и такие, которые сомневались в моих искренних намерениях. Когда Рая получила телеграмму и сказала матери, что едет в Устюг встречать меня, Екатерина Петровна была озадачена и сказала дочке:

– Какого такого старика зывала, зачем он тебе?

– Мамочка, да не старик он, а молодой парень! Вот смотри!
– и показала мою фронтovou 3x4 фотокарточку.

– Смотри, девка, чтобы он тебя не обманул!

Обманывать я не собирался. В то время я имел полных двадцать шесть, надо было создать семью, и лучшим спутником жизни считал Раю – единомышленницу и фронтového друга. В моей искренности и добрых намерениях Екатерина Петровна скоро убедилась. Провожала она нас далеко за деревню, не плакала, но была задумчива.

И вот мы едем в Унежму. По дороге никаких серьезных происшествий, разве только чтобы доехать до конца у нас не хватило денег. Пришлось мне продать свою новую офицерскую шинель. В материнский дом пришли неожиданно, шли пешком от Малюшуйки, о чем я писал в книге «Страна Помория». Мать и сестра мою жену признали и приняли хорошо. В один из праздничных воскресных дней мать собрала свадьбу – чай.

Чтобы решить денежную проблему и получить орден «Красной Звезды» я ходил в Онегу. Там по купонам и «Орденской книжке» мне выдали около девятисот рублей. За «Красную Звезду» – по 15 рублей, за медаль «За боевые заслуги» – по 5 рублей за каждый месяц. А так как с начала выдачи наград я ни разу не получал денежного вознаграждения, набралась порядочная сумма.

Кроме мелких домашних работ ходил торбовать, а потом в июле месяце наступила морошковая страда. Тот 1946 год был урожайный на эту ягоду. Ходили обычно недалеко, за Смолениху. На одном месте набирали по ведру, но Рае казалось мало, она стала брать по два ведра и всегда набирала полные. Собирала ягоды быстро, двумя руками, не каждый так может. Потом меня заставляла носить полные ведра домой, а сама оставалась собирать. Я еще раз приходил, еще набирали и тогда шли домой.

Такая ее бурная деятельность на мху сказалась вскоре на здоровье – заболела раненая нога. На голени появилась краснота, отечность, невооруженным глазом было видно, что осколок сдвинулся с места и был близко на выходе. Все мы переживали, ведь в деревне даже не было фельдшера, чтобы оказать помощь. Мать сделала мазь из трав, но это мало помогло. Нужно было убирать этот злосчастный осколок. И мы решили сделать разрез. Вооружившись лезвием, предварительно смазав его одеколоном, я сделал надрез в

центре покраснения. Маленький черный осколочек тут же вышел с гноем. Жене сразу полегчало, а через несколько дней она опять пошла за морошкой.

После 1941 года, когда я уехал из Унежмы, деревня заметно поредела: стало меньше домов и людей. Одни не вернулись с войны, другие уехали, бросив свои насиженные места, продав дома сельсовету или колхозу на дрова. И хотя мне предлагали остаться в Унежме на жительство, мы с женой решили ехать в Мурманск.

И вот мы едем в Мурманск. До Нюхчи на лошади. Провожала нас сестра Свира. Из Нюхчи до Мурманска на вологодском поезде. В Мурманске остановились у Антонины Ивановны, жены Алексея Матвеевича, который в то время был в море. Жила она в одной комнате в 20 кв. метров. Семья пять человек: трое детей, Устинья Ивановна – мать Тони, и сама. Алексей Матвеевич прописан на судне, где он работает тралмейстером, домой приходит на два-три дня, а рейс длится двадцать пять-тридцать суток.

Около окна нам поставили кровать. Матрац из лосиной шерсти у нас был, его подарила мать перед отъездом, подушки дала Антонина Ивановна. На второй день после приезда я пошел в отдел кадров бондарного завода поступать на работу. Меня сразу же приняли бондарем в жировочный цех.

Шестого сентября 1946 года вышел на работу в жировочный цех. Началась моя вторая жизнь – жизнь трудовая, семейная. Спец-одежды на работе никакой не было, в продаже только по талонам. Ходил в армейских сапогах, брюках и гимнастерке. Для тепла, так как уже начались заморозки, надевал тужурку, сохранившуюся еще с довоенного времени.

Жировочный цех тогда располагался внизу, в полуподвальном этаже основного корпуса бондарного завода. Это часть теперешнего ящичного цеха с северо-западной стороны. Тут работали бондаря-профессионалы, всю жизнь посвятившие бондарному делу: Иванов Иван Михайлович, Абрамов Иван Иванович, Кудреватых Семен Львович, и пониже разрядом Балашов Михаил, выпускники довоенной школы ФЗУ. В цехе было несколько участников войны, в том числе Муругов Степан, с которым работал в тароремонтном цехе до войны. Оказалось что он Герой Советского Союза и получил это высокое звание будучи десантником при взятии Лийнахамари. Бондарь Бобров воевал на севере, Калинин на втором Укра-

инском фронте, был в плену. Были и другие участники Отечественной войны и мальчишки-ученики. Мастер жировочного цеха Люкашин Петр Маркович – потомственный бондарь, уже не молодой, высокого роста со шрамом на виске. Часто в цех заходил начальник отдела кадров Димитриченков Антон Петрович, справлялся, как ведут себя мальчишки-ученики.

Бондаря работали от звонка до звонка. Примерно через час ходили курить, а вот ребята-подростки бегали то за рыбой, то в магазин, то курить, то наверх в бондарный цех за доньшками. Собираясь курить, они кричали на весь цех:

– Сержант, пошли курить!

– Доделаю бочку, тогда и приду, – отвечал обычно я.

Курили они долго, делали мало, иной раз одну бочку за два дня. А бочка стоила пять рублей. Верстаки двоих из них были поблизости от меня. Васька Сивков – это рыжий длинновязый парень, и Витька Туев – чернявый и маленький ростом. Ребята эти были отчаянные забияки и выдумщики. Иногда дрались до крови, ругались на чем свет стоит, а потом опять дружили, и, казалось, лучше их не было. Подойдут к моему рабочему месту и просят:

– Сержант, расскажи, страшно ли на войне?

– Страшно, ребята, очень страшно!

– А видел ли ты немцев, убивал ли их, сколько убил?

Вопросы, бесконечные вопросы. Им интересно слушать. Они могут целыми днями не работать, их накормят родители, а мне надо зарабатывать.

Сначала у меня не получалось, зарабатывал мало. Потом, как говорят, «набил руку», стал делать по пять и семь бочонков, но и этого было мало. Помню, первую получку за восемь рабочих дней получил восемьдесят шесть рублей. После войны, в 1946–1947 гг., хотя и по карточкам, но продукты были дорогие.

Выручала рыба. В наш заводской буфет привозили кулинарию и форшмак. Кулинария – это куски трески, сваренной в воде, а форшмак – перемолотые тресковые головы, плавники, обрезки, хвосты. Кулинарию кое-как можно было поесть, а форшмак – только с большой голодухи. Дневная карточная норма на рабочего составляла восемьсот грамм хлеба, за перевыполнение нормы выработки выдавали еще двести грамм.

Рыба была рядом на холодильнике и около него. В буртах, пересыпанных льдом и солью, лежала треска, окунь, камбала, палтус синекорый и белокорый, пятнистая и синяя зубатка. Многие рабочие завода, почти все, даже женщины, прежде чем появиться на работе, заходили на холодильник за рыбой. Рыбу хватали и прятали под полу пальто или ватника, и скорей через дорогу за ящики – прятались от милиционеров, которые дежурили у холодильника. В цехе рыбу резали на куски, укладывали в деревянный ящик и клали под исходящую паровую трубу. А так как желающих было много, создавалась очередь. Через некоторое время, в зависимости от пара, рыба была готова – обычно приурочивали к обеду. Рыба всех кормила и спасала от истощения.

Вскоре жена поступила на работу табельщиком в рыбный порт. Оклад ей дали мизерный, но доход побочный был: то кусок трески, то пузырек трескового жира приносила в дом. Видя мое пристрастие к работе, наш мастер дядя Петя, как его называли бондаря, стал поручать мне более сложные бондарные работы: ремонт жировок и поделку семужных бочек. Надо сказать, что все мастера высоких разрядов – Абрамов, Кудреватых, Иванов – делали бочки под меджир, под семгу, стампы (емкости для выгрузки рыбы из тральщиков), а иногда чаны для засолки рыбы и овощей. Эти работы оплачивались хорошо, расценки были высокие.

Каждый день утром и вечером на завод и с завода путь лежал через первую проходную. Около ее сохранились низенькие и маленькие магазинчики: промтоварный и продовольственный ларьки, книжный и газетный киоски. Справа стояло здание бывшего тароремонтного цеха, в котором работал до войны. Теперь оно огорожено деревянным забором, а в дверях стоит вахтер. В нем размещаются склады рыбсбыта – бочки и ящики с рыбой и консервами.

Война не прошла мимо рыбного порта. Полностью сгорел завод медицинского рыбного жира, посолзавод, несколько деревянных посолочных цехов, столовая. И город пострадал очень сильно. На Жилстрое выгорели целые улицы, не осталось домов на ул. Рабочей, М. Горького, Кирова, Советской, сгорел кинотеатр «Северное Сияние». Множество деревянных домов и бараков сгорело в городе, от каменных домов остались стены. Мурманск был фронтовым городом, каждый день его бомбили немцы, бросали зажигалки.

Из моих довоенных друзей многих не досчитался. Погиб Саша Денисов, не видел Андрея Вдовина, Павлика Лабутина, не вернулся с войны Николай Григорьевич Панов и его брат Михаил, ничего не знал о судьбе Николая Смирнова. Мои братья Федор и Алексей во время войны служили на судах Северного флота, Михаил на Балтике. Письма он писал не часто, но исправно, а как только началась война, их перестали получать. Еще один брат Николай попал под поезд и погиб, самый младший из сыновей отца от Анны Семеновны, Дмитрий, сгорел на пожаре. Вместе с ним погиб Петр Евтюков – отец Вениамина, теперешнего жителя Унежмы.

Несмотря на трудности, всё время не проживешь у Алексея Матвеевича, нужна была жилплощадь, хотя бы комната. Пошел на прием к директору завода Чирочкину Василию Осиповичу. Он позвонил начальнику ЖКО Богданову. Он решил заселить нас в пустую комнату по улице Самойловой. Но комната была временно пуста, у нее была хозяйка, женщина-одиночка, которая на лето выехала с садиком на юг. Кроме этой маленькой комнатки в квартире еще было две, в одной из них жил Ланцов Н.И. с семьей, работник бондарного завода, а в другой Парцель Н.М. с семьей. Когда приехала владелица комнаты возникли неудобства и я стал просить другое жилье. Через некоторое время предложили перебраться на Жилстрой на улицу Марата в комнату на две семьи.

Комната большая, ее перегородили. У нас одно окно и у соседей Швыревых тоже одно. Из мебели у нас ничего не было. Жили без стола, не было стульев. Единственное что было – это деревянный ящик для хранения продуктов. Уходя утром на работу, крышку забивал гвоздями, а придя с работы, каждый раз обнаруживал недостачу то хлеба, то сахара. Это дети соседей по комнате перебирались через перегородку и съедали наши скудные продукты. В один из зимних дней получили по карточкам рыбу, а это была крупная свежая норвежская селедка, повесили ее на гвоздь снаружи. Утром встали, хотели ее пожарить, но ни селедки, ни сетки, в которой она была, не оказалось.

Жена моя на глазах полнела и надо было готовиться к появлению ребенка. Нужны были пеленки, распашонки, одеяльце, шапочка, но в продаже ничего не было. Пришлось ей самой проявлять находчивость и изворотливость, благо у ней был белый материал, полученный при демобилизации. Сама сделала пеленки, распашон-

ки, связала шапочку, носочки, где-то достала одеяльце. Качалку сделал на заводе и вынес по частям, как дрова. На свою скудную зарплату, а ее хватало только на еду, купили несколько табуреток, стол-гумбочку, у Антонины Ивановны кровать.

На исходе лета Рае дали декретный отпуск, а через несколько дней я ее отвел в роддом, который находился тут же на улице Марата. Вечером того же дня захожу узнать, как ее здоровье, а мне медсестра отвечает:

– У вас родился мальчик, папаша, поздравляю!

– А как жена чувствует? – спрашиваю ее.

– Как все после родов. Состояние удовлетворительное.

Мальчик! Я чуть не кричу от радости. У меня сын Валерий, так мы с женой договорились назвать первенца. Иду домой, а на меня все смотрят с удивлением, на веселого и радостного. Было от чего радоваться: у меня сын, доволен я и женой, и наконец не нарушена традиция нашего рода – в первую очередь парни. Каждый день хожу в роддом и ношу жене что-нибудь вкусное. Когда ей разрешили вставать с постели, она подошла к окошку и показала сверточек, из которого виднелось маленькое кругленькое красное личико.

Вскоре Раю выписали домой и мы стали воспитывать сына. Родился он маленьким, всего два килограмма четыреста грамм, но боевой, крикливый. Днем так себе спал, а ночью шумел, иногда здорово и долго. Не спали мы с женой, не спали соседи, их дети. Жить в одной комнате стало невыносимо. Пошел просить отдельную комнату. И вскоре счастье улыбнулось: дали комнату в доме частного типа по ул. Микояна, что в Колонизации. Комната небольшая, восемнадцать квадратных метров без кухни, без воды и туалета. У окна с правой стороны наша кровать, около нее кроватка сына, на другой стороне кушетка, посередине стол.

Осенью, когда жене надо было идти на работу, приехала Екатерина Петровна с сыном Александром чтобы нянчиться с Валерой. Жить в одной комнате было тесно, но жили дружно. Александр Петрович зачастую ночевал в управлении или у друзей-сослуживцев.

Осенью 1948 года в стране была отменена карточная система и проведена денежная реформа. В магазинах появились продукты, промтовары, одежда, обувь, но всё было дорого. Жили скромно,

форшмак стал не в моде, но обрезки тресковые и особенно окуневые покупали. Из мизерной зарплаты десять месяцев в году высчитывали заем, на который ежегодно подписывались – не менее чем месячный заработок. А тут еще добавился подоходный налог, который сразу после войны не высчитывали как у орденосца. Встречаю главного бухгалтера и спрашиваю:

– Почему за прошлый месяц высчитали подоходный налог?

– Есть указание высчитывать, все ваши преимущества ликвидировал Верховный Совет, – отвечает он.

– Я не видел в печати ничего об этом.

– Его и не было. У нас есть разъяснение.

Прав оказался главный бухгалтер. Хотел получить наградные тридцать пять рублей в месяц, но в сберкассе ответили:

– Положите свои ордена и медали в архив. Выплата наградных по указанию Министерства финансов прекращена.

Один раз в год полагался бесплатный проезд на транспорте, и это отменили. Один раз правда воспользовался, будучи в отпуске. Тогда, осенью 1947 года, ездил за картошкой в Апатиты. Вот так недолго пришлось нам, фронтовикам, попользоваться предоставленными льготами.

В феврале 1948 года приказом директора завода я был назначен мастером жировочного цеха. В том же году осенью на отчетно-выборном партийном собрании меня избрали в состав партбюро, а на партбюро Димитриченко предложил избрать секретарем партбюро. Партийная работа была для меня нова и незнакома. Я всячески сопротивлялся, не хотел принимать партийную организацию. Вызвали в горком партии, беседовал первый секретарь горкома Коленов П.Н. Мои доводы, что я не способен, не могу, не хочу работать на партийной работе успеха не имели. Это видимо у них было решено заранее по предложению секретаря партбюро завода и согласовано с инструкторами.

И вот я секретарь партбюро. Неосвобожденный. Это партийная нагрузка. Работай без зарплаты, да еще плати членские взносы ежемесячно. Сам собираю партвзносы, составляю каждый месяц план работы партбюро и парторганизации, провожу партсобрания и заседания партбюро, сдаю собранные партвзносы. После основной работы приходится оставаться на несколько часов в партбюро для проведения текущих дел. Приходят коммунисты платить

партвзносы, с появившимися вопросами по работе и жилью, беспартийные. Всех выслушиваю и по возможности помогаю.

И хотя в комнате было тесно, но надо было готовиться к пополнению семьи – появлению еще одного ребенка. Валере еще не исполнилось полутора лет, а у нас опять ребенок на носу, как говорится. 15 января 1949 года моей супружнице занедужилось – стали появляться боли внизу живота. Было ясно: начинаются предродовые схватки. Скорую не велела вызывать, сказала: «Веди меня на Марата, в роддом». С отдыхом дошли до проспекта Ленина, ей стало хуже. Кое-как добрались до станции скорой помощи, что на ул. Книповича, оттуда на санитарной машине в роддом. Весь день и вечер Рая лежала на столе. Ребенок появился только ночью 16 января.

Прихожу утром из больницы радостный. Теща поняла, что всё хорошо, но не удержалась, спрашивает:

– Кто родился, мальчик или девочка?

– Тебе внучка, а мне дочка! – с радостью выпалил я.

Вижу по глазам Екатерины Петровны – довольна, торопится разогреть суп, чай и накормить меня. Подает на стол нехитрую снедь, а глаза блестят и улыбаются.

– Ну вот, Ваня, есть сын, а теперь и дочка, вот и семья!

– Я ожидал, что будет дочь. Уверен был, – отвечаю теще.

Волнение и радость во мне кипит, не могу успокоиться. В голове одно слово: дочка, дочурка. Буду ее любить, качать на руках, подбрасывать вверх, как сына, носить конфеты и кормить, поить молоком.

Принесли дочь домой. Валера стал спать с бабушкой, а дочь заняла качалку. Через несколько дней сходил в ЗАГС и зарегистрировал ее, получил метрики. Назвали Галей – имя в то время ходовое, нам с женой оно нравилось. Галя была крепче, крупней и круглей, чем Валера. Маленькое круглое личико, носик-курносик, голубые глазки – вот такая наша дочурка в пеленках. Вела себя спокойно, ночью спала хорошо, даже мокрая. Почти всегда была в пеленках – Екатерина Петровна не любила, когда дети махали руками и ногами и говорила: «Непеленатый ребенок может испугаться». Но ненадолго развязывала, чтобы поиграть, переменить пеленки, поговорить-«поукать».

Подрастали наши дети. Валера ходил на ножках, а Галя стала понимать и отвечать улыбкой и уканием. После ужина брал их по очереди на руки, качал, подбрасывал, и в комнате нашей становилось весело и тепло.

Только мало было свободного времени. Одно воскресенье не рабочий день, да и то почти всегда было занято: то воскресник, то собрание, то надо идти на благоустройство. Город был разрушен и сожжен и очень часто ходили копать канавы, засыпать песком и галькой лужи, садить деревья и кусты.

После работы ежедневно приходилось оставаться в партбюро, принимать партвзносы, составлять планы работы, проводить заседания партбюро или партсобрания. Это партийная работа меня совсем замучила. Хорошо что вскоре я был назначен мастером и моя работа в цеху сводилась к организации производства, обеспечении рабочих сырьем и материалами. Но и тут дела хватало. В цеху не было ни одного деревообрабатывающего станка, ни даже циркульной или поперечной пилы. Для того чтобы построгать клепку и донник надо было идти наверх в бондарный цех; чтобы напилить досок – в раскромочный цех; чтобы высушить остовы бочек – просить начальника сушильного цеха. Все эти хождения отнимали много времени. Конечно, мне не отказывали, но и не торопились помочь. Мастера бондарного цеха Жуков (дядя Митя) и Александрова (тетя Шура) в первую очередь делали для своего цеха, для выполнения плана, а потом и для нас.

Бондарный цех, занимавший весь верхний этаж, был начинен техникой: тут были строгательные, фуговочные, заурные станки, стяжные ворота, парильные камеры, в общем вся техника для бондарного производства. С одной стороны цеха подвозили доски, а с другой выходили готовые бочки – до двух тысяч за восьмичасовую смену. Внизу за нашим цехом размещался ящичный цех. Там кроме маятниковых, циркульных пил и строгательных станков никаких других не было. От сколотки головок до сборки изготовленные ящички производилось вручную – молотком.

Разрушенное войной хозяйство Мурманна быстро восстанавливалось. Рыболовный флот пополнялся новыми судами, техникой, людьми. Рыба ловилась. Весной и осенью все холодильники и причалы были завалены треской и окунем. Не хватало морозильных емкостей, тары.

Тогда же был освоен лов сельдей в Атлантике. Маленькие суденышки – сейнера, труженики моря, везли полные трюмы отборной атлантической сельди. Знаменитый «Полярный Залом» заполнил прилавки магазинов. На полную мощность работали консервный, копильный заводы, завод медицинского жира, посолзаводы. Чтобы обеспечить рыбокомбинат тарой – бочками и ящиками – работали сверхурочно, по десять часов в смену, и в воскресенье. Зарабатывать стали хорошо, применялась прогрессивная оплата труда для рабочих, а для ИТР и служащих премия за перевыполнение плана. Жизнь налаживалась: появились повсеместно продукты, промтовары, галантерея, обувь, одежда.

Кончалась очередная полярная ночь 1950 года. Начиналась весна, с юга повеяло теплом. Сажу в партбюро, составляю план работы, а меня вызывают. Выхожу. Стоит жена в слезах.

– Что случилось, Рая? – спрашиваю.

Молчит и еще сильнее начинает всхлипывать. Беру за руку и отвожу подальше от людей.

– Радость или беда, что случилось, скажи?

– Что делать не знаю. Ведь у нас будет третий ребенок, а по теперешней жизни воспитывать троих тяжело. – И задает мне вопрос: – Идти к бабке на аборт?

– Никуда не пойдешь, и успокойся. Себя не калечь. Пусть будет у нас трое детей!

После этого разговора успокоилась и опять пошла на работу. Но в душе еще долго нервничала, отталкивала. Шло время и шероховатости сглаживались, в доме опять воцарилось доверие и дружба.

В августе 1950 года у нас появился третий ребенок. Назвали его Сергеем. Такой же голубоглазый, как Галя и Валера, но побольше ростом и покрепче телом. С самого начала, с рождения, я заметил что Рая больше других любила малыша, оказывала максимум внимания, бегала с работы, кормила грудью. К слову должен заметить, все наши дети вскормлены материнским молоком, поэтому они быстро росли и полнели. А жена худела, уж очень маленькие перерывы между детьми. Над нами шутили соседи: «Ульяновы выполняют пятилетку в три года». И это была сущая правда. За четыре года совместной жизни у нас появилось три ребенка.

Когда жена пришла к врачу на очередной осмотр, та удивилась и спросила:

– Вы что, болеете?

– Нет, я работаю и кормлю сына!

– Да вы же сплошной скелет, ребра можно сосчитать. Надо кушать больше и лучше, пить молоко, соки, есть овощи и фрукты, – был наказ врача.

В 1951 году на заводе сменилось руководство. Пришел новый директор, посланец обкома партии, Красиков Иван Николаевич. В первый день его работы познакомились. Ниже среднего роста, в гимнастерке и галифе синего цвета, в сапогах, он легко и непринужденно разговаривал, соглашался, но имел свое мнение по каждому вопросу. Утром приходил рано, ходил по цехам, разговаривал с начальниками и рабочими, днем во время обеденного перерыва у рабочих заходил в курилку бондарного цеха, разговаривал с ними, иногда играл в домино. Потом я узнал что он 1920 года рождения, на войне был летчиком, там потерял руку. При встрече расспрашивал о семье. У нас появилось взаимопонимание. Весной после очередного воскресника я его пригласил к себе на обед, он согласился. Разговор шел о работе, о текущем моменте, ну и касались, естественно, жилья. В то время на Жилстрое на улице Марата строился каменный дом для бондарников. Красиков пообещал рассмотреть мою просьбу о выделении квартиры в этом доме. Видел он воочию какая у нас теснота – шесть человек на восемнадцати метрах.

Зимой дом был заселен. Я получил двухкомнатную квартиру площадью 21 квадратный метр. В маленькой комнате оборудовали спальню для детей и Екатерины Петровны, в большой стояла наша кровать. В доме было отопление, холодная вода, туалеты, на кухне плита для приготовления пищи. Мне завидовали, некоторые смотрели искоса. На лестничной площадке с нами поселились Белозеров И.И. с семьей, рядом военнослужащие, на втором этаже начальник ЖКО Двинин Ф.А., главный бухгалтер Незговоров Ф.И., бондарь Кудреватых С.Л. Во втором и первом подъездах – рабочие и служащие бондарного завода, а на первом этаже аптека.

С соседями жили дружно. Собирались в праздники и выходные дни «на пироги». Приходили Иван Николаевич Белозеров с гармоникой и Марией Ивановной, Двинин Фантин Александрович с Прасковьей Михайловной и балалайкой. На столе появлялись бу-

тылка и в изобилии пироги: с рыбой, ягодами, рисом и яйцом. Пироги тогда были в почете и их пекли повсеместно. После питания и закуски пели песни. Белозеров обычно сопровождал на гармошке, а Двинин тренькал на балалайке и пел частушки:

Говорят что в Астрахани
Рыба ходит в сарафанах.

После небольшого наигрыша продолжал:

Этого не может быть –
В сарафанах рыба жить!

После этой частушки обычно раздавался дружный хохот. Смеялись все. Застолье проводилось без детей, они играли в спальне с бабушкой Катей. А Двинин продолжал петь:

Милый цо, да милый цо,
Милый цокнешь поццо?
А я милая ниццо,
Я влюбился горяцо!

Так же как взрослые дружили и наши дети. Все они были послевоенные: у Двининых два мальчика и девочка, у Белозеровых – два парня, да наших трое. Вместе они играли, вместе катались на санках, учиться ходили в одну школу. Так же как мы в детстве, играли в «войну». Командиром по игре в войну был Валера. Вместе с Екатериной Петровной они сшили из моих старых брюк ему брюки с лампасами, пришили военные погоны, прикрепили медали. Вскоре наши фронтовые медали были утеряны и сынку пришлось сделать разнос. Тогда в ход пошли значки. С улицы все трое приходили в снегу, сырые, и бабушка старалась скорее развешать и высушить их одежду до нашего прихода. Вечером вся компания мальчишек и девчонок собиралась у нас смотреть телик «Рекорд». Приходили дети из других подъездов и домов, телевизоры не у всех были, они только-только входили в наш быт.

В 1953 году я был назначен начальником бондарного цеха. Работа мне знакома, людей я знал. В том же 1953 году умер «вождь народов» великий Сталин. В обществе царил растерянность: как

будем жить? Учитывая заслуги вождя, политбюро решило поместить его тело в мавзолее рядом с Лениным. В стране был объявлен траур. В день похорон во время погребения было приказано звонить в колокола, подавать сирены и гудки, а где их нет бить в рельсы. В бондарном цехе была сирена. Мастера бондарного цеха до того усердствовали в гудении, что пережгли ее.

После Сталина секретарем ЦК КПСС был избран Маленков Георгий Максимилианович, который находился у руля правления менее года. Но его краткосрочное руководство страной и партией запомнилось, и особенно сельским жителям: были отменены все натуральные налоги и поборы – мясо, масло, картофель, яйца, шерсть.

Осенью 1953 года к власти пришел Никита Сергеевич Хрущев, известный своими реформами. Он стал инициатором организации совнархозов, при нем была разоблачена антипартийная группировка – Молотов, Каганович, Маленков, Шипилов – восставшая против освоения целины в Казахстане. Но главная его заслуга – выступление на съезде партии о культе личности Сталина. Тогда народ узнал, кто такой Сталин и что он делал. Оказалось, что этот диктатор создал антинародное партократическое государство, подчинив партии все рычаги управления народным хозяйством, создал мощные рычаги подавления всякого инакомыслия и свободомыслия – НКВД во главе с Берия Л.П., прокуратуру и судебные органы. В стране была создана широкая сеть концентрационных лагерей и тюрем. Разоблачались всевозможные группировки, блоки, «враги народа», «вредители», «диверсанты». В тюрьмах и лагерях погибли тысячи, десятки тысяч невинных советских людей. Все они впоследствии были оправданы.

Но были у Хрущева и серьезные ошибки. Уверившись, что мы догнали Америку по молоку и по маслу, он приказал освободить всех колхозников от коров, повысил розничные цены на масло и мясо. Но это еще не все. В 1963 году в стране не оказалось хлеба. С утра у магазинов выстраивались громадные очереди чтобы получить буханку. Белый хлеб выдавался по карточкам только больным-желудочникам. «Почему не стало хлеба в Мурманске?» – задавали вопрос городским руководителям. А они отвечали: «Остановлен хлебозавод на ремонт, а один завод не может обеспечить город хлебом». Но это был обман.

В разное время пришлось поработать технологом, заместителем директора. В это время заводом руководил Малышев Георгий Иванович. Вскоре я сдал партбюро, стал рядовым членом партии, а секретарем парткома райком назначил Колеева. Мне предложили должность инструктора в аппарате райкома, на что я не согласился и остался на заводе.

Дети наши подрастали. Валера ходил в школу. В один из утренних зимних дней он не торопился в школу, а Екатерина Петровна, чем-то озабоченная, сказала Рае:

– Надо, девка, идти в школу к учительнице, она велела придти родителям.

– Что же случилось? Валера наверное нахулиганил?

А Валера стоит около стены с опущенной головой и не может ничего сказать.

– Да нет, не нахулиганил, чего-то написал не так.

– Валера, расскажи что написал не так?

– Мне Вовка Викторов написал бумажку, а я ему отписал, – тихо, еле слышно, говорит сын.

Вместе с Валерой Рая пошла в школу. Пришла, а Людмила Васильевна рассказывает:

– На уроке они, Валерик и Володя, сначала переговаривались, а потом стали переписываться. Я сразу же заметила и подойдя взяла бумажку с их записями. Там было написано: «Ульяша, ты дурак», а Валерик ему отписал: «Вовка, ты ... », и трехэтажное ругательство. Мальчиков я послала домой и велела придти с родителями. Через некоторое время приходит бабушка. Нашла меня, и упав на ноги говорит: «Кормилица, голубушка, прости его глупого, не говори родителям, а то они его убьют. Допусти до уроков!» Подняла я бабушку и говорю: «Не бойтесь, ничего с мальчиком не будет, а поговорить с родителями надо». Вечером в семье состоялся разговор об учебе Валерика.

Галя тоже ходила в школу. Казалось, всё в нашей жизни хорошо, за исключением маленьких происшествий, но тут заболела Рая. Подорвала ее видимо суточная работа, сказались ранения и контузии, полученные на войне. После долгих дней болезни ее пе-

ревели на инвалидность с пенсией тридцать рублей. Хорошо что мне в профсоюзе платили по среднему, как на выборной должности. У меня в то время средний заработок составлял 3030 рублей. В том же 1956 году была прекращена подписка на займы, а выплата по их выигрышу и погашению отложена на тридцать лет, т.е. заморожена. Отмены займов давно ждали, ведь 300 рублей в нашем семейном бюджете были очень нужны.

Вскоре к нам приехал старший брат Раи Павел Петрович с женой и дочкой. Жить стали у нас, в большой комнате поставили еще одну кровать. Стало девять человек в нашей маленькой квартире. Так жили около года, потом родственники получили комнату на Кооперативном поселке и ушли.

Из Унежмы насовсем приехала мать. Недовольная тем, что у меня живет теща, поселилась у Федора Матвеевича. О приезде своем нам не сообщила. Вскоре получила пропуск и ее увезла сестра Фиса в Полярное нянчиться с детьми. Но мать систематически приезжала в Мурманск, навещала нас. Приходила ненадолго – в основном за деньгами, которые я давал ежемесячно.

Однажды, увидя меня идущего с работы, Аксинья Ивановна, сестра матери Антонины Ивановны, разговорившись со мной, спросила:

– Помогаешь ли матери-то, сколько даешь ей денег?

– Помогаю. С моей зарплаты много не дашь, один работаю, а семья шесть человек.

– А мне Борис, как сходит в рейс, дает четыреста рублей, – похвалилась она.

– Я работаю на берегу, зарабатываю мало.

На том и разошлись.

Чаще всего мать останавливалась на день-два у сестры Свиры, которая с мужем и двумя детьми жила в финском домике в Нагорном, и нянчилась с детьми. Она видела что у них нет ни одежды ни обуви, и приходя к нам просила детские обноски, а на деньги, которые я давал, покупала недорогие вещи чтобы как-то одеть детей. Помогала чем могла, жалела детей. И конечно переживала. Приходя к нам, жаловалась на безалаберную пьяную жизнь дочери и зятя. Не лучше ей жилось и у Фисы с Африканом. Они тоже жили не просыхали. В Полярном у частников покупали водку и спирт, а если не могли купить приезжали в Мурманск, так как в Полярном в

то время был «сухой закон». Нахлебавшись досыта и загрузив чемодан водкой уезжали. Мать жаловалась на их поведение.

Сестра Ульяна жила в Нагорном, имела комнату в восьми-квартирном доме. Ее семья – муж и двое детей. Толя, еще холостой, жил на Ледовом, имел комнату. До его женитьбы какой-то небольшой промежуток мать жила у него, а потом опять уехала в Полярное.

В 1956 году на профсоюзной конференции меня избрали председателем завкома профсоюза бондарного завода. Профсоюзная работа для меня была вновь. Много времени проводил за чтением специальной литературы чтобы понять смысл и задачи профсоюзного деятеля. В 1957 году обком профсоюза направил меня на краткосрочные курсы повышения квалификации. Три месяца жил и учился в Москве.

Профсоюзная работа необъятна: трудовое законодательство, техника безопасности, трудовые договора, производственные совещания. Текущие дела – это больничные листки, путевки, елка, пионерлагеря, сбор членских профсоюзных взносов, учеба профактива и еще много-много других дел. Работа в профсоюзе живая и мне нравилась, но работать было трудно. Уходил из дому в семь часов утра, а приходил в 21-22 часа, детей видел только спящих. После учебы настроил себя работать по профсоюзным законам, защищать права трудящихся. Но это часто не удавалось. Руководители завода противились и часто не выполняли трудового законодательства, старались сделать председателя и весь завком послушным орудием в их руках. Но я упорно стоял на своем. За это мне мстили и ставили палки в колеса. В тиши директорского кабинета без участия завкома распределяли жилплощадь, материальную помощь. По моему предложению вопросы распределения жилья, оказания материальной помощи, выдача путевок стали решаться на открытых заседаниях завкома.

1960-70-е годы – это годы подъема народного хозяйства нашей страны. Это было видно и на нашем заводе. Начали строить дома хозяйственным способом, открылся детский сад, обновляли оборудование, заменяя изношенное и устаревшее. А вот о технике безопасности никто по-настоящему не думал – не было приточно-вытяжной вентиляции, транспортировка отходов производилась вручную. Вереницы женщин с носилками носили стружку в коче-

гарку, у станков работницы задыхались от пыли. На месте этот вопрос не решался: не было документации, главк не выделял средств. Обком профсоюза решил вынести этот вопрос на президиум отраслевого профсоюза. Вскоре в Москву отправились главный инженер завода, председатель завкома и технический инспектор обкома профсоюза Биченев И.Т. При обсуждении главный инженер и представитель главка Главрыбтары ссылались на отсутствие средств, Биченев и я предложили немедленно приступить к строительству приточно-вытяжной вентиляции. Вышли из зала врагами, как будто между нами широкая река, водораздел. После этого он стал увеличиваться и руководители завода относились ко мне с пренебрежением. Даже начальник главка, будучи у нас на заводе, сказал мне: «Ну и фрукт ты, Ульянов». Но я знал что делаю правильно, защищаю права рабочих, и никогда не слушал этих тупоголовых бюрократов. Из-за неуступчивости много пришлось натерпеться всяких издевательств и неприятностей.

В 1958 году бондарный завод, лесозавод и тароремонтный завод в Нагорном объединились в одно предприятие – Лесотарный комбинат. Три завкома тоже объединились в один. И хотя дали еще одну штатную единицу – зам. председателя завкома – работы прибавилось. Приходилось ездить по участкам, чтобы не терять связь с профсоюзным активом и коллективами цехов.

Усилиями завкома энергично пополнялась библиотека, произведен ремонт Красного уголка и закуплены картины, установлен бильярд, приобретен спортивный инвентарь, духовой оркестр, создана футбольная команда, хоровой коллектив. В Красном уголке стали проводить вечера отдыха, танцы под свой духовой оркестр. Заводилой всех массовых мероприятий был начальник механического цеха Женя Голубев – плясун, певец и песенник. Танцевал со всеми подряд, с девушками и женщинами, а жена стояла около стенки и смотрела. В конце вечера она подошла к Жене и на виду у всех влепила оплеуху по лицу. Зал зашумел, Женя возмутился и громко крикнул:

– За что, Маша?

– Не путайся с чужими бабами!

– Не путаюсь, а танцую, – ответил Женя и тут же со стыда убежал на улицу.

Утром узнали что Жени нет в живых – он повесился дома около кровати. Проводили его в последний путь с созданным им оркестром, семье оказали материальную помощь.

Подрастали наши дети. Спать на кушетке вдвоем стало тесно, сундук для спанья стал мал, а комнату не раздвинешь. Опять стал думать о жилье. И тут главк выделил комбинату четыре квартиры. Написал заявление в обком профсоюза. Оттуда на имя директора и завкома пришло письмо, рекомендующее выделить квартиру председателю завкома, т.е. мне. В новую квартиру со всеми удобствами переселились зимой 1961 года – в дом, расположенный по улице Воровского, в центре города.

Квартира окнами на стадион «Строитель», потолки высокие, коридор во всю длину квартиры, кухня большая, санузел и ванна отдельно, горячая вода. Теперь мама стала ходить почаще. Чувствовалось что сердце ее отошло, подобрела, повеселела. В один из выходных дней появляется с Ульяной Алексеевной Базановой, женой Павла Михайловича, подружкой юности. Вместе они рассматривали квартиру, хвалили ее. Я увидел ту самую маму, которая была в обычной жизни: добрую, ласковую, веселую. Все вместе пили чай с пирогами, разговаривали. Потом она говорила нам с Раей как бы извиняясь: «Не права я была. Глупая, слушалась людей, вам мешала жить и сама нервничала».

В декабре 1961 года я по своему желанию ушел с профсоюзной работы, сдав все дела строителю Старовойтову И.М. Обком профсоюза предложил пойти опять на выборную профсоюзную работу – председателем завкома завода междурейсового ремонта траулеров. Но я куда не хотел идти, остался на заводе.

Рассчитавшись с обкомом профсоюза, захожу к директору завода Малышеву Г.И. и предлагаю свои услуги на прежнюю работу, т.е. технологом бондарного цеха, туда где работал до избрания.

– Идите к главному инженеру, это его кадры, – хмуро и с раздражением произнес он.

Через коридор иду к главному инженеру.

– Готов работать на заводе технологом бондарного цеха.

– Должность технолога бондарного цеха сокращена, – отвечает главный инженер.

– Вы обязаны мне предоставить, согласно законодательству, ту работу, откуда я ушел!

– Мы Вам предлагаем равноценную: мастером бондарного цеха, – отвечив занятым бумажными делами маленький черненький человечек.

В тот же день вышел на работу в бондарный цех. Здесь всё мне было знакомо, рабочие встретили с уважением, помогали и подсказывали как организовать работу, сами переходили на те участки, где появлялись пробки. Здесь встречались остова бочек, донник и обручи. Всё это надо было собрать так чтобы получилась готовая бочка. Тут работали задонщики, оковщики, железорубщики, сварщики, эмалировщики, трафаретчики, бондаря-ремонтники. Я крутился всю смену без передыху и понял, какую ловушку приготовили мне Малышев и Кондрашов. Но не подавал виду, не жаловался, не роптал.

Когда-то давно, еще в 50-е годы, в партбюро заходил секретарь райкома Малышев А.В., разговаривал и рекомендовал учиться. Тогда его предложение пропустил мимо ушей. А сейчас вспомнил: надо учиться, иначе они меня забьют. В то время в городе работали вечерние школы и с нашего завода в нее ходили Краинов Ф.В. – завхоз, Кузнецов В.А. – мастер ящичного цеха, Шубин В.Д. – бондарь тароремонтного цеха, и много молодежи. Переговорил с ними и тоже решил подучиться. За три года одолел 7, 8, 9, 10 и 11 классы. Получил аттестат.

Упрятав меня в цех, начальство спохватилось и в январе 1963 года появился приказ за подписью директора о назначении меня старшим контрольным мастером склада готовой продукции. Нужен был я им, ох как нужен, ведь ОТК совсем не было. Нужно было организовывать отдел технического контроля, и самой подходящей кандидатурой был Ульянов. За сто десять рублей, а работы с утра до вечера и не сделать!

В моем подчинении все бракеры на трех заводах и два инженера. Я сдавал бочки и ящики рыбокомбинату и Мурмансельди, а тут еще повадилась ходить проверять нашу продукцию Свинына Октябрина Николаевна из лаборатории надзора за стандартами. Придиралась к влажности, размерам, заливала на водотечность, проверяла железо, гвозди, всё проверяла, мотала нервы. Кроме меня в отделе технического контроля работало два инженера: Анна Ивановна Молчанова в Нагорновских цехах и Лилия Алексеевна Владыкина на лесозаводе. Обе они инженеры со стажем: до этого Вла-

дыкина работала мастером на лесозаводе, а Молчанова в бондарном цехе в Нагорном – инженер с высшим образованием. И хотя у меня тогда было среднее образование, но я им не уступал ни в теории, ни в практике. У меня был громадный опыт партийной, профсоюзной, практической работы. Я мог посостязаться с любым инженером и дать ему несколько очков вперед. Технологию производства бочек, ящиков деревянных и картонных мог рассказать во сне. Моя опора – рабочие, и они никогда меня не подводили, всегда поддерживали, сочувствовали.

После окончания вечерней средней школы решил поучиться в московском институте Стандартизации и Метрологии. Без труда поступил. Там уже училась Владыкина. Выполнял задания-работы, отсылал их в Москву, получал зачеты. За три года осилил курс института и в 1965 году получил диплом и значок. Цеховое и заводское начальство после приезда из Москвы удивлялось моей прыти и уже не смотрело свысока. Расспрашивали, как сумел закончить институт, трудно ли было. Мой рейтинг, как сейчас говорят, вырос.

Как повысить качество выпускаемой продукции? Что надо для этого сделать? – эта дума постоянно витала надо мной. Был усилен контроль за поступающим сырьем: осматривали каждый вагон клепки и ящичной дощечки, гвоздей, железа, круглого леса, контролировали сушку заготовок, в цехах был организован пооперационный контроль. Кроме основной работы у меня всегда была масса поручений, а тут добавился еще комитет народного контроля. Этот комитет отнимал много времени, а толку от него было мало. Когда вспарывались недостатки и заслушивали руководителей они были недовольны, жаловались директору, который язвительно напоминал: «Где вы работаете?» Прделанная работа не приносила никакой пользы.

Времени для семьи, для воспитания детей почти не оставалось. Иногда в выходные дни ходили на лыжах, все вместе катались на коньках (рядом из крыльца стадион). За учебой детей смотрела жена, она ходила на родительские собрания. У Валеры учеба пошла с трудом, появились пропуски. Пришлось устроить на работу в электроцех бондарного завода и одновременно учить в вечерней школе. Галя, до того учившаяся без троек, тоже стала отставать. На одном из родительских собраний классный руководитель спросила:

– Есть ли здесь родители Ульяновой?

– Есть, это я, – ответила жена.

– Ваша дочь всем мальчикам закружила головы, и сама стала учиться плохо.

– Да что вы! Она у нас тихонькая, ее не видно и не слышно.

– А на переменке она ох какая активная. Ее одну и слышно!

– Мы поговорим с дочкой, Вера Александровна, – проговорила Рая, проглотив горькую пилюлю.

Работа меня затянула, не было свободной минуты. Как-то стою у конвейера в ящичном цехе, а ко мне подходит приемщица ящиков консервного завода Галя и спрашивает:

– У вас есть сестра Сима?

– Да, есть, – отвечаю.

– Она работает у нас на консервном заводе.

– Она заболела или еще что с ней случилось?

– Это хуже болезни, – отвечает Галя. Она опаздывает на работу, прогуливает, приходит выпивши или с перепоя.

В воскресенье поехали к сестре. Дома оказались только дети – мальчики пяти и двух лет. По обстановке видно: живут нище, ни мебели, ни постельного белья, на кроватях тряпки. Через некоторое время приходят Свиря и Павел. Из сумки достают шесть 250-граммовых бутылок водки, хлеба буханку, селедку. Скипятили чай, собрали стол. Посидели, попили чаю, пригласили к себе в гости, а Павел говорит:

– Не принимаю приглашения и не приеду.

– А почему же? – спрашивает Рая.

– Посмотрите, на мне дырявая рубашка, а хорошей нет!

– Так что же не купите, ведь в магазинах есть!

– Вот такие любит жена делать покупки, – и он показал на чекушки, – а на рубашку не остается.

Посидели, пожурили их, но они и дальше продолжали пить, и скоро в их дом пришла беда. Утром ушли на работу, оставив детей без присмотра. В комнате стояла елка, а детям, очевидно, были доступны спички. Днем дом запылал. Из сухих тонких досок, он сгорел моментально, и в нем два мальчика – дети Свиры и Павла. О пожаре в Нагорном и гибели двух детей узнал весь город. Слухи распространялись с невероятной быстротой. Все жалели мальчиков, ругали родителей. Это была трагедия, трагедия для всех.

Хоронили Витю и Вову в Коле, не открывая гробиков. В них лежали маленькие скрюченные обгоревшие до неузнаваемости тельца. После похорон отец детей Павел заболел и долго лежал в больнице. Другим человеком, так же болезненно пережившим ненормальную смерть внуков, была мама. Она похудела, осунулась, часто плакала, отчего ее лицо постоянно было красным. Вскоре после похорон она по-настоящему заболела: ее парализовало, отнялись ноги, нарушилась речь. Немного оправившись, ее привезли в Мурманск к брату Толе, получившему новую квартиру. Но тут она прожила недолго, невестка не хотела ухаживать за чужой матерью, и Фиса опять увезла ее в Полярное.

Полярное – город закрытый, военный, база подводных лодок Северного флота, и не часто можно было туда съездить. Для поездки надо было иметь вызов, а затем получить пропуск. Но ездить надо было, ведь там жила больная мать, и мы ездили.

Несмотря на неурядицы, время шло. В октябре 1963 года я был назначен старшим инженером отдела технического контроля. Название новое, а оклад тот же – сто десять рублей. А денег для содержания семьи надо было всё больше и больше, хотя теперь, с 1959 года, работала жена.

Кроме основной работы я подрабатывал – вел школы передового опыта труда, за что немного платили. Всем ребятам нужна была школьная форма, костюмы, туфли, пальто, и чтобы купить, приходилось занимать. Выручала касса взаимопомощи, должником в которой я постоянно числился.

Работа на заводе начиналась в восемь часов утра. Заходил на лесобиржу, узнавал что поступило, предварительно визуально осматривал. После этого осматривал готовую продукцию, выработанную вечерней сменой – бочки и ящики, а уже после того шел в цеха. В бондарном проверял строжку и фуговку, закупорку, эмалировку, в ящичном склотку головок, сборку коробов, окружку проволокой, влажность заготовок бочек и ящиков. Раз в неделю производилось испытание заливных бочек на водотечность, ящиков на крепость склотки. Одновременно с заливкой определялась емкость бочек и соответствие их государственному общесоюзному стандарту.

В нашей стране постоянно возникали начинания и соревнования: за повышение качества, за экономию сырья и материалов, экономию электроэнергии, досрочное выполнение плана ко дню

Советской Армии, ко дню восьмого марта, к Первому мая, к годовщине Октябрьской революции, Сталинской конституции и много других. Не успевали принимать обязательства и подводить итоги. Тогда же возникла система бездефектной сдачи продукции с первого предъявления. В нее я окунулся полностью, стал разрабатывать ее применительно к нашим условиям.

Коллектив комбината работал хорошо: была экономия материалов, финансовые показатели выглядели прилично и почти каждый квартал инженерно-технические работники получали премию. К 1965 году у меня в трудовой книжке было записано пять благодарностей за стахановскую работу и выданы премии, а также две благодарности с ценными подарками.

В июне 1965 года меня вызвал директор и сказал:

– Иван Матвеевич, надо ехать в Мезень на лесозавод принять клепку и донник. Выезжать завтра на пароходе «Канин». Погрузку лесозавод обещается сделать за три дня, после этого вернешься обратно.

– Георгий Иванович, у меня тяжело больна мать и я жду вызов, чтобы ехать в Полярное, навестить ее.

– Через три дня вернешься, можешь лететь на самолете, дорогу оплатим.

Закончив погрузку «Канина», скорей домой. В тот же день вылетел в Мурманск. Не успел поесть, жена говорит:

– Пришло письмо из Полярного, в нем вызов. На днях была Евдокия Степановна, жена Федора Матвеевича, ездила в Полярное и сказала: «Мать не встает».

В тот же день получил пропуск и отправился в Полярное. На пороге квартиры встречает Фиса.

– Раздевайся и проходи, она тебя ждет. Недавно был врач, сказал: «Долго не проживет». Сажусь на стул около кровати и беру руку матери. Она услышала, открыла глаза, на лице появилась слабая улыбка, и прошептала: «Ваня, сынок!» Лежала и смотрела на меня, а я на нее, не смея беспокоить. Вскоре закрыла глаза, голова упала набок.

Мы думали, что она заснула, вышли из комнаты, пообедали. Примерно через час зашли, она так же лежала. Потрогали пульс, он не работал, не было дыхания. Вечером отвезли бездыханное тело в

Могила отца в д. Унежма. 2006 г.

морг, на другой день с Фисой обмыли сами и положили в гроб. Через день были похороны и поминки.

Сейчас я ругаю себя: зачем мы оставили тело нашей мамы на кладбище в Полярном? Ведь можно было перевезти его в Мурманск. Навещали бы, ухаживали за могилкой.

Жизнь у мамы была трудной. Она не прожила и семидесяти лет, умерла в июле, а 22 августа исполнилось бы семьдесят. Мне в то время было сорок пять, а сейчас семьдесят два. Я пережил своих родителей. Это они мне дали такую долгую жизнь.

Каждый год 22 августа поминаем отца и мать, а если бываем в то время в Унежме, обязательно сходим на могилу отца. Обоих и поминаем, ведь родились они в один день, и думаем: они вместе в родной Мироныщине.

В январе 1966 года я был назначен начальником отдела технического контроля с окладом 130 рублей. Продолжалась работа по улучшению качества продукции. В бондарном, ящичном, картонажном цехах были созданы «посты качества», оформлена наглядная агитация по внедрению саратовской системы, ежемесячно проводились «дни качества». На важных операциях стали проводить «школы передового опыта труда» и техническую учебу. Цель учебы – на примере передового рабочего передать всем участникам его приемы и методы работы, подтянуть отстающих до уровня передовика. Тут же изучались гости и технические условия на тару. В результате проводимой работы повышалась производительность труда на 8-10%, снижался брак.

В 1960-70 годы на комбинате происходили значительные изменения в технологии, резкий толчок получила рационализация и изобретательство. Распарочные колпаки были заменены разварочными ваннами, спарены строгательные и фуговочные станки, построены механическая мангальная печь, проложена напольная дорога для подачи колец, обручей, донника и остовов бочек, т.е. все тяжелые ручные процессы механизированы. Активное участие в этой работе принимали Шулина В.Г., Васильев Н.И., Федотов Г.И., Пережогин Н.Ф. и другие. Возглавлял перестройку директор комбината Малышев Г.И. и главный инженер Кондрашов В.Н.

Не только в мурманских цехах, но и в нагорновских проводилась работа по улучшению технологии: был построен бочкомочный агрегат, организована поточная линия по ремонту возвратной тары. Во всех бондарных цехах была внедрена механическая задонка бочек и двухсторонняя осадка луковых обручей бочек.

Были и мои предложения, и одно из них – «сборка остовов бочек-сельдянок в обручи». Ценность его в том, что теперь не надо было возить тяжелые кольца от задонки к сборке, а только лишь обручи. Если учесть, что за смену нужно было подвезти 5-6 тысяч штук десятикилограммовых колец, то нетрудно подсчитать, какой лошадиный труд надо было вложить в эту работу. Директор завода за это предложение отвалил сто рублей, да еще в качестве соучастника примазал Ворохову А.Г. – безграмотную недалекую начальницу цеха.

Мальчишки-сыновья подрастали. Валера прошел приписку. Перед армией он поступал в мореходку но срезался, не хватило баллов. Его приняли кандидатом, но не захотел ждать когда кто-то отсется, чтобы занять его место. Проводили его в армию в демократическую Германию. Там он прослужил недолго, изъявив желание поступить в кемеровское военное училище связи. Через три года закончил его, получил звание лейтенанта, командовал взводом солдат в Ленинградской области, затем на Кольском полуострове и в Карелии. После нескольких лет армейской службы заболел и демобилизовался.

Сережа окончил одиннадцать классов. Никуда не поступив продолжать учебу, работал до армии в рыбном порту. Служил как и Валера в демократической Германии в связи. После демобилизации

сразу же поступил в ленинградский техникум холодильной промышленности.

Галя закончила одиннадцать классов, курсы воспитателей и какое-то время работала воспитателем в детсаде, а когда Рая распрощалась со своей работой, оформилась на ее место. После окончания средней школы к нам стали похаживать ее одноклассники, а более всего Володя Мурашкин. Но вскоре его забрали в армию. Через два года возвратился и у них опять началась дружба. Он запросто приходил к нам, подолгу сидел разговаривал, иногда приглашал за стол и он обедал с нами. Мы его хорошо знали и искренне уважали. В один из вечеров Галя говорит нам:

– Мама и папа, я буду выходить замуж!

– Как, за кого? – спрашиваем мы удивленно.

– За Вову Мурашкина.

– Галя, да вы оба еще почти не работали, жилья нет, а у Володи никакого положения, – говорит Рая и плачет.

– Я вижу что Володя хороший парень, уважительный, добрый, в обиду не даст и не обманет, мастер на все руки, работу любит. Не надо плакать и переживать, пусть сама дочка выбирает спутника жизни по любви, как мы женились, – говорю жене.

На другой день приходят Володя и Александра Федоровна, его мать, вроде свататься и договариваться о свадьбе. Свадьба состоялась в начале июля 1970 года в ресторанчике-кафе на улице Ленинградской. Жили молодые у нас.

В марте 1971 года родилась Катя – первый ребенок Гали и Володи. Через некоторое время они переехали в комнату на проспекте Кирова, затем жили на Бредова. Володя, как я и предполагал, оказался заботливым мужем и отцом, добрым, отзывчивым, но и требовательным. Он не чурался никакой работы – купал ребенка, стирал пеленки, носил Катю на улицу, готовил обед, мыл пол и многое другое, никогда не уставал, не ныл.

Через год после свадьбы Гали женился Валера. Пришлось ехать в Петрозаводск, где он служил в то время. Записывались они с Валей в Конгозере, где она работала воспитателем, а свадьбу играли в доме Валиного отца Ивана Васильевича Малькова. Жена Валеры Валя нам всем понравилась. Небольшого роста, веселая, со смеющимися глазами, добрым приятным взглядом, нежная, юная, она

как бы сразу поселилась в нашей семье, стала равноправным членом среди нас.

Сереза женился в 1973 году, на последнем курсе техникума. Зимой во время каникул он приезжал к нам с будущей женой Валей. Свадьба состоялась в Ленинграде. Основные участники их бракосочетания были студенты. Ездили мы с женой, Галя и Валя (Валерина жена), была мать невесты Лидия Николаевна. За четыре года все наши дети переженались. Так же быстро заводили семьи, женились, как и родились. Нелегко нам, родителям, было в то время, но справились, сделали все необходимое.

Жизнь и работа на севере сказывались на здоровье. Стала прибаливать Рая. На работу вставала с трудом, уходила ползком, приходила с работы и падала на диван. Появились сердечные приступы, головокружение, слабость, ноги не слушались. Почти ежедневно приходилось вызывать «скорую». Дотянула кое-как до пятидесятилетия, отработала два предпенсионных месяца и ушла на заслуженный отдых.

А я продолжал работать. На базе новой техники на комбинате продолжалось совершенствование качества продукции. В 1970 году коллектив комбината принимал участие в конкурсе на лучшую организацию работы по повышению качества тары, а в начале 1972 года в конкурсе, посвященном пятидесятилетию СССР, и награжден почетной грамотой и денежной премией. Тогда 517 рабочих, НТР и служащих приняли участие в его проведении, было подано 115 предложений, экономический эффект от внедрения составил около 15 тысяч рублей. За разработку и внедрение саратовской системы сдачи продукции с первого предъявления меня наградили почетной грамотой и денежной премией. В шестом номере журнала «Стандарты и качество» за 1974 год была опубликована моя статья «Качество тары улучшилось».

Комбинат работал устойчиво, показатели выполнял, был на хорошем счету в главке и министерстве. За хорошие показатели систематически получал всесоюзные премии, инженерно-техническим работникам начислялась премия. В нашей семье финансовая сторона стала выглядеть лучше: покупали ковры, дорожки, полированную мебель, посуду, одежду, обувь, появилась сберкнижка, облигации трехпроцентного займа.

В середине 70-х годов в рыбной промышленности Севера начался спад: плохо ловилась рыба, не появлялась сельдь, до этого заходившая в губы большими косяками. Готовая тара – бочки-сельдянки, ящики деревянные и картонные – не находили спроса, их вывозили на склад и укладывали в штабеля на Кильдинском шоссе. На открытом воздухе тара портилась: рассыхалась, плесневела, приходила в негодность. Частично сняли план, но и это не помогло – запасы бочек и ящиков увеличивались. Главком и Министерством было принято решение: отгрузить на юг Азрыбе 200 тысяч комплектов бочек-сельдянок. Комплекты загружались на суда и окольным путем, через Скандинавию, Средиземное и Черное моря поступали в Керчь. Там их разгрузили и сложили в штабеля на причале под палящее июльское солнце.

Захожу к директору по делам (а ходить приходилось ежедневно и не по одному разу), а он мне говорит:

– Собирайся, Иван Матвеевич, в командировку!

– Что за командировка? – спрашиваю.

– В Керчь сдавать бочки, вот телеграмма, читай!

– Надеюсь не один поеду, дадите начальника цеха или мастера?

– Воронова не поедет, мастера нужны в сменах, – отрезал Малышев. Получи командировочные, деньги и поезжай!

Поехал один, других не стал просить, не причастных к комплектам.

Керчь – город небольшой, но с древних времен знаменит. Отличился он и в годы войны. Моряки-черноморцы здесь насмерть стояли, за каждый метр земли шли тяжелые бои, а когда силы иссякли, ушли в катакомбы, но не сдались. В катакомбах скрывалось местное население. Из катакомб моряки и жители города делали набег на немецкий гарнизон. На горе Митридат защитникам города стоит величественный памятник.

С вокзала иду на причал к бочкокомплектам. Перед моими глазами удручающая картина: штабеля бочек без обручей, с вывалившимися клепками, донником, со спавшими обручами, рассыпшиеся и рассыпавшиеся. Как сдавать, кто примет это кладбище? Но надо! Нельзя расслабляться и подавать вид, что сдаюся.

С начальником бондарного завода Керчи берем пробу на качество. Результат – 30% некачественных бочек. Это много. Какие

убытки понесет комбинат, да и я «заработаю» перед пенсией. Разговариваю по телефону с директором, прошу помощи. Приезжает заместитель директора Казаков Б.П., затем главный инженер Кондрашов В.Н. Но от них, как от козлов, никакой помощи. Работа по сдаче бочек у штабелей продолжается. Результаты плачевные: от 20 до 30% от всей партии не соответствует ГОСТу.

Иду к директору керченского бондарного завода уже не в первый раз. Прошу принять 20-30% от всей партии сухотаркой. После совещания с руководителями цехов он соглашается. Было окончательно решено: 27% заливных бочек-сельдянок перевести в сухотарку и оплатить согласно прейскуранту. Эта шестнадцатидневная командировка далась нелегко: пришлось попереживать, ведь могли сделать начет с заработной платы за выпуск брака, отдать под суд. Но всё обошлось хорошо, директор сопел и молчал.

В 1974 году директор комбината Малышев Г.И., с кем была связана коренная перестройка технологии, «приказал долго жить». Его заменила Каск Зоя Сергеевна, руководитель посредственный, не видящий перспективы, временный, безынициативный. Главный инженер Кондрашов В.Н. и заместитель директора Утин Н.Д. после ухода Малышева занялись незаконной продажей пиломатериалов и строительством дач. Вскоре они были избалованы, исключены из партии, получили взыскания. После такого позора уволились с комбината. Главным инженером был назначен Рыбалко Александр Арсентьевич.

В конце 1974 года мне исполнилось пятьдесят пять – пенсионный возраст. Думал еще поработать, пошел к Каск. Объяснил что хочу поработать на комбинате в рядовой должности, например в производственно-техническом отделе.

– На комбинате нет вакантных должностей, – ответила директорша.

– Если в ПТО нет, то может быть есть в других отделах и службах? Комбинат большой!

– И там нет. Вскоре предстоит сокращение инженерно-технических работников и служащих, – таков был ответ.

Так и ушел от руководителя не солоно хлебавши. Пришлось писать заявление на увольнение, так как в должности начальника ОТК больше не было сил работать. Дело в том, что штат ОТК был очень малочисленный, бракеров не хватало, контрольных мастеров

не было, мастера и начальники цехов о качестве и не думали. Основная задача их – выполнить план любыми путями, сделать больше бочек и ящиков. Начальник цеха Воронова Анна Гавриловна больше сидела в кабинете директора или главного инженера, чем в цеху, а когда во главе руководства комбината стала Каск З.С., не выходила от нее. Начальник ящичного цеха Горшков А.И. полностью отстранился от вопросов качества, после очередной пьянки или запоя надевал очки и ничего не видел. Говорить по вопросу качества с начальниками цехов и мастерами было бесполезно. Отработал два полагающихся пенсионных месяца, и на отдых.

31 января 1975 года – последний день работы на комбинате. После 17 часов – прощальный вечер. В большой комнате производственного отдела накрыли столы. На них водка, вино, торт, закуски, чай. Почти все ИТР, работники ОТК пришли проводить меня на пенсию. Произносятся речи, поднимаются тосты. Сидим с Раей за столом и слушаем. Говорят все хорошее, хвалят.

ЧАСТЬ 4

Пансионат «Восход», Новгород, Великий Устюг. Волома, Унежма. Нас ищет Наташа. Письмо однополчанки Фаины. «36 лет спустя». Нашли Пашу. В Петрозаводск! В «Дюнах». Минск, Хатынь, холм Славы. Инфаркт. Фейерверк в Орше. Дина и Иван Алексеевич. Горбачев-реформатор. Появление СНГ. Игорь, сын Сергея. Катя, Дима и Павлик. Ельцин – президент России. Реформы. Опять в Унежме. Андрей Волков и Катя. Свадьба.

С первого февраля 1975 года я пенсионер. В отделе кадров получил трудовую книжку и пенсионное удостоверение номер 1345, в котором записано: пенсия назначается из расчета среднего заработка 425 рублей в сумме 120 рублей ежемесячно пожизненно.

Живем в своей благоустроенной квартире – два пенсионера. Теперь не надо вставать рано и идти на работу в мороз, пургу, в дождь – любую непогоду. Непривычно, скучно. Утром не спится, привык вставать рано. Днем делать нечего. Хожу по магазинам, улицам города. В выходные веселее: приходят Галя и Володя с Катей, Сергей и Валя.

В мае с Раей едем по путевкам, выданным профсоюзами наших предприятий, в пансионат «Восход», расположенный на берегу Финского залива. Место тут тихое, зеленое, воздух чистый. Живем в двухместной комнате, кормежка в столовой, гуляем по лесу и около залива. Вечером кино, бывают концерты. В те дни приезжал народный артист СССР Евгений Леонов, простой мужичок. Выступал, рассказывал о своей работе в кино, фотографировался с отдыхающими.

После пансионата решили съездить в Новгород, навестить живущую там сестру Фису. Новгород, Господин Великий Новгород, известен с глубокой старины. Новгородское княжество – одно из могучих на Руси. Это они, новгородцы, великие землепроходцы, шли в неизведанные северные земли – Заволочье, открывали и осваивали их.